

Среди современников Федора Абрамова трудно найти писателя, который более страстно выражал бы любовь не только к судьбам Отечества, но и к своей малой Родине и ее людям. Александр Твардовский, прочитав рукопись романа «Две зимы и три лета», писал Федору Александровичу: «Книга полна горчайшего недоумения, огненной боли за людей деревни и глубокой любви к ним, без которой, вообще говоря, незачем братья за перо».

Архангельский историк Евгений Овсянкин исследовал данные Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи (1897), касающиеся Ярушевской волости Пинежского уезда. Анализ этого источника позволил выявить новые сведения о предках Федора Абрамова, о его родных местах, некоторых особенностях населения Верколы, повлиявших, безусловно, на становление характера писателя.

В 1897 году был жив дед Федора Александровича Степан Кириллович Абрамов. 62-летний вдовец, обозначенный в переписном листе как «земледелец-хозяин», имел большую семью. Вместе с ним жили сыновья Павел 28 лет и Александр 19 лет (будущий отец писателя), а также дочери Василиса 28 лет и Параскева 14 лет. Старший сын Степан Кириллович был женат на 22-летней Екатерине Давыдовне.

Все Абрамовы, за исключением Павла Степановича и его жены, были неграмотными. В момент переписи Александр Степанович был в отлучке: служил кучером в Архангельске.

Бабушка писателя по линии матери, Дарья Леонтьевна, происходила из семьи Заварзиных. В 1897 году 56-летняя вдова имела трех дочерей. Младшей из них, Степаниде Павловне, будущей матери писателя, было в то время 13 лет.

Любовно воспевав свою родину, Федор Александрович оставил сравнительно мало сведений о своих родственниках. Своего отца писатель не помнил, так как Александр Степанович умер, когда Федор был еще младенцем.

В своем вступлении в день шестидесятилетия Федор Александрович сказал добрые слова в адрес своих родных.

«Мама, — говорил он в тот вечер, — Степанида Павловна, неграмотная крестьянка, которая с трудом умела ставить три печатные буквы. Но крепкая, неглупая, властная и работающая женщина, рано овдовевшая, но которая твердой и уверенной рукой повела нашу семейную ладью. В 1922 году, когда мы остались без отца, старшему было пятнадцать, младшему (я был младший) шел второй год, и у нас была всего лишь коровенка. А за восемь лет, когда мы вступали в колхоз, мы своим трудом, наша ребячья коммуна сотворила чудо: у нас было две лошади, две коровы, был бык, была телушка, был добрый десяток овец...»

Очень тепло говорил писатель о своей тетушке Ирине Павловне. «Старая дева, которая всю жизнь обшивала за гроши, почти задаром деревню». Эта великая праведница, по словам Федора Александровича, несла «в каждый дом свет, доброту, свой мир. Единственная, может быть, святая, которую я в своей жизни встречал на земле...»

Лит. Россия. — 1995. — 3 марта. — с. 10.
Из родословной
Федора Абрамова

№. Листа

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ

населения Российской Империи,

на основании ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ 5 Июня 1895 года.

Губерния или область: <i>Арх.</i>	ПЕРЕПИСНОЙ ЛИСТЪ ФОРМА А.	Уезд или округ: <i>Пинежский</i>
Переписной участ. № <i>4</i> Статный участ. № <i>1</i>	Сельское общество или соответствующее ему дѣленіе <i>Пинежское</i>	
Статьи № <i>2</i> или подсельский участок № <i>1</i> (подчеркнуть поднадлежащее название и преставить №)	Село, деревня или другое поселение на землях сельскаго общества (проставить подробно название рода поселенія и его означеніе): <i>Арх. д. Ярушев- ская</i>	
Возраст, гдана, станца или соответствующее	Слово, деревня или другое поселение на землях сельскаго общества (проставить подробно название рода поселенія и его означеніе): <i>Арх. д. Ярушев- ская</i>	
имя дѣленія	Имя, отчество и фамилия хозяина двора <i>Степанъ Кирилловичъ Абрамовъ</i>	
Хозяинъ живетъ въ собственномъ-ли дворѣ <i>да</i> или на квартирѣ въ чужомъ дворѣ	Сколько во дворѣ жилыхъ строеній? <i>одна</i>	
Мѣсто жительства: Чужъ уездъ.	Мѣсто жительства: Чужъ уездъ.	Примечаніе. Эти свѣдѣнія относятся къ плану двора и относятся только къ случаю, если хозяинъ живетъ въ своемъ дворѣ или въ казенномъ дворѣ. Если же во дворѣ живетъ несколько хозяевъ, то на переписи мѣстъ дѣлится каждому изъ нихъ въ равную частъ, которая остается безъ исполненія, а свѣдѣнія въ числѣ

Архивные документы помогают восстановить годы жизни родителей писателя. Федор Степанович прожил 44 года (1878—1922), а Степанида Павловна, пережив супруга на 25 лет, умерла в 1947 году в возрасте 63 лет.

Изучение архивных источников позволяет уточнить название места рождения Федора Александровича. Принято считать, что писатель родился в деревне Верколе. Анализ значительного количества документов свидетельствует о том, что Веркола в XIX и XX веках официально и на обиходном уровне именовалась селом. Поэтому думается, что правильнее будет называть местом рождения Федора Абрамова село Верколу.

Во время переписи 1897 года в состав Верколы входили 18 деревень. Среди них Копыловская, Парфеновская, Куликовская, Мелеховская, Кирилловская, Яковлевская и т.д. Предки писателя по линии отца проживали в деревне Турановской. Все упомянутые выше деревни значатся в составе Верколы и в «Списке населенных мест Архангельской губернии», изданном в 1922 году.

Еще одна любопытная особенность бросается в глаза при знакомстве с итогами переписи 1897 года. Значительная часть жителей Верколы, как, впрочем, и всего Пинежья, составляли в то время староверы (старообрядцы). Весьма интересным является тот факт, что и дед по линии отца писателя, и бабушка по

линии матери также были старообрядцами.

Начиная с середины XIX века официальная церковь предприняла несколько попыток массового обращения пинежских староверов в православие. В государственной области хранится «Дело о раскольниках Веркольского и Лавельского приходов». Десятки документов свидетельствуют о том, как 45 староверов, проживавших в деревнях, приписанных к этим приходам, отстаивали свою веру.

Священник Иннокентий Попов и протоиерей Александр Ксензов рапортовали в Архангельскую духовную консисторию о том, что «45 раскольников, принадлежащих к Веркольскому приходу, подвергнуты были со стороны местного священника самому тщательному увещеванию. Но раскола оставить не согласились, равным образом не позволили они и детей своих подносить к приобщению святых таинств, чем лишили причт возможности охранять последних в православии».

Обвинив раскольников «в совращении в раскол детей своих», их судил пинежский земский суд. Но никто из веркольцев не подался. Около десятка раз в течение двух лет в дело вмешивался архангельский гражданский губернатор, двадцать человек были приговорены к кратковременному тюремному заключению, на недели их отлучали от своих очагов, но ничто не смогло сло-

мить их воли. Проявляя веротерпимость по отношению к православной церкви, староверы заявляли о том, что их «так благословили родители и что они желали «остаться в этом вероисповедании до конца своей жизни». Несколько лет спустя власти попытались вновь «вывести из раскола» 579 пинежан. Но все старания потерпели крах.

Среди упрямцев неоднократно упоминаются фамилии нескольких Абрамовых и Заварзиных. Вместе с этим можно предположить, что репрессивные действия церковных и светских властей побуждали раскольников лавировать, временно отступать. Не исключено, что именно это заставило откровенно заявить во время переписи о принадлежности к расколу только представителей старшего поколения предков Федора Абрамова. А после переписи молодые возвратились в свою веру. Тем более, что старообрядцы прощали такой грех, принимая за него наказание в форме чтения молитв и определенного количества поклонов.

Свидетельство этому мы находим у самого Федора Александровича, подтверждавшего, что его «родная тетушка Ирина... была очень религиозная, староверка», — хотя по переписи 1897 года она значится как православная.

В своем известном выступлении на телевидении «Останкино» Абрамов называл Ирину Павловну первым человеком, оказавшим на него огромное воздействие. «Она была начитанна, — говорил писатель, — она прекрасно знала житийную литературу, она любила духовные стихи, всякие апокрифы...»

И вот целыми вечерами, бывало, люди слушают, и я слушаю, и плачем, и умиляемся. И добрее сердцами. И набираемся самых хороших и добрых замыслов. Вот первые уроки доброты, сердечности, первые нравственные уроки — эти уроки идут от моей незабвенной тетушки Ирины».

Безусловно, семейные традиции старообрядчества — обособленный уклад жизни, суровость, воздержание, трудолюбие, твердость в отстаивании своих убеждений — все это не могло не оказать влияния на мировоззрение будущего писателя.

Уместно заметить, что Федор Александрович проявлял интерес к личности северного поэта Николая Клюева, который в первый период своей творческой жизни отдал дань поэтизации старообрядчества. Думается также, что далеко не случаен был интерес Абрамова к протопопу Аввакуму, место сожжения которого он посетил вместе с нашим земляком, критиком Александром Михайловым незадолго до своей кончины.

Собирая материал для этого очерка, я перечитал рассказ писателя «Из колена Аввакумова». С каким глубоким пониманием и сочувствием воссоздал Федор Александрович внутренний мир староверки Соломиды. Схотив в юности «по обету» на место сожжения «праведника и воителя за истинные веры протопопа Аввакума», эта ослепшая старуха мужественно перенесла невообразимые страдания и муки за свою веру.

И несмотря на все это, Соломида была твердо уверена в том, что «божий мир любовью держится».

И, наконец, нельзя не сказать о фамилиях веркольцев. Перелистывая пожелтевшие листы почти вековой давности, то и дело встречаешь прекрасные русские фамилии, столь хорошо известные ныне по абрамовской эпопее о пекашинцах: Минины, Клевакины, Ставровы, Клоповы, Подрезовы и многие другие. И невольно думаешь о том, как близок был к своим корням неистовый правдолюбец, глубокий истолкователь жизни северной деревни, замечательный русский писатель Федор Абрамов.

Евгений ОВСЯНКИН,
кандидат исторических наук
АРХАНГЕЛЬСК